

Псковский государственный университет
Псковское региональное отделение
Русского географического общества
Комиссия исторической географии
Санкт-Петербургского регионального
отделения Русского географического
общества

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РЕГИОНА

Материалы

*Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, 18 марта 2021 года*

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским
советом Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2021

УДК 913
ББК 65.9(2)28
И58

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Псковского государственного университета

Рецензент сборника: Стрелецкий В. Н. (Институт географии Российской академии наук, г. Москва)

Редколлегия сборника: Красильникова И. Н., Васильева Т. В., Теренина Н. К. (г. Псков), Вампилова Л. Б. (С.-Петербург)
Ответственный редактор — Манаков А. Г. (г. Псков)

Историко-географический подход в изучении культурных ландшафтов региона : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 18 марта 2021 г. — Псков : Псковский государственный университет, 2021. — 196 с.

ISBN 978-5-91116-984-8

В сборник включены материалы, в которых рассматриваются вопросы использования историко-географического подхода при изучении культурных (в т. ч. топонимических, этнических, конфессиональных, геоэколого-хозяйственных и промышленных) ландшафтов различных городов и регионов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья. Особое внимание обращено на исследование в историко-географической динамике этнокультурных ландшафтов Псковской области и других регионов, а также на изучение и популяризацию объектов культурно-исторического наследия.

Представленные материалы сохраняют авторский стиль.

ISBN 978-5-91116-984-8

© Коллектив авторов, 2021

© Псковский государственный университет, 2021

Содержание

Соколова А. А. Лингвистическая составляющая этнокультурно-ландшафтного пространства Псковской области.....	3
Вампилова Л. Б. Историко-геоэкологические следы хозяйственной деятельности в ландшафтах Псковщины.....	9
Теренина Н. К. Традиционные этнохозяйственные системы на территории Сетомаа: историко-географический анализ.....	18
Кривуля И. В. Особенности культурных ландшафтов окрестностей Старого Изборска (Печорский район Псковской области).....	27
Красильникова И. Н. Историко-географический подход как основа реализации различных форм исследовательской деятельности школьников.....	32
Дементьев В. С. Изучение системы расселения Псковского региона на примере пространственного размещения приходов Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв.....	40
Горячко М. Д., Макушин М. А. Туристские бренды Псковской области: репрезентация культурного ландшафта.....	48
Евдокимов С. И. Использование военно-исторического наследия Псковской области в туризме (на примере «Линии Сталина»).....	62
Немцева Т. И., Манаков А. Г. Между Россией и Эстонией: влияние изменяющихся политических границ на развитие города Печоры.....	69
Токарчук С. М., Сайчик К. А. Историко-культурные ценности Гродненской области Беларуси.....	83
Токарчук С. М., Бойко Е. Л. Старинные парки и усадьбы Кобринского района Брестской области.....	94

Рысаева М. А. Возрождение провинции: настоящее и будущее развития туризма в малых городах России.....	102
Белюк А. О., Токарчук О. В. Зелёные территории микрорайона «центр» города Бреста как элементы историко-культурного ландшафта: опыт изучения и веб-картографирования.....	110
Токарчук С. М., Токарчук О. В., Полячок Т. А., Юхнюк П. П. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в веб-проектах краеведческой направленности.....	116
Лилейкина В. А. Отражение историко-культурной функции в названии улицы Шведская горка в Пскове.....	125
Немцева Т. И., Манаков А. Г. Основные этапы развития промышленности Пскова в довоенный период.....	129
Немцева Т. И. Основные этапы индустриального развития Пскова в послевоенный период.....	141
Теренина Н. К., Васильева Т. В. Политико-правовые аспекты сохранения и взаимодействия малочисленных разделённых коренных этносов Северо-Запада России.....	158
Манаков А. Г., Klimask Ja. Изменение соотношения русского и эстонско-сетоского населения в трансграничном микрорегионе Сетомаа (Печорском крае) с 1922 по 2011 гг....	168
Бочарникова А. В. Традиционные обряды вепсов Ленинградской области (по результатам полевых работ, проведённых в июле 2016 г.).....	179
Ямсков А. Н. Культурно-географические регионы Закавказья, возникшие и исчезнувшие в течение XIX — начала XXI вв.....	185

А. Н. Ямсков

кандидат исторических наук,

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

E-mail: yamskov@iea.ras.ru

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ ЗАКАВКАЗЬЯ, ВОЗНИКШИЕ И ИСЧЕЗНУВШИЕ В ТЕЧЕНИЕ XIX — НАЧАЛА XXI вв.

Рассмотрены процессы сложения и исчезновения некоторых культурно-географических регионов Закавказья (Абхазская Сванетия, Духоборье, Русская Мугань), сформировавшихся после присоединения этих территорий к Российской империи. Также проанализированы вариации современного отношения властей разных стран к феномену общеизвестных культурно-географических регионов, входящих в состав их территорий.

Ключевые слова: культурно-географический регион, Закавказье, Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, топонимия.

Введение. Культурно-географический регион определяется прежде всего наличием «...образа этого региона в общественном сознании как его жителей, так и населения сопредельных ... территорий» [9], выраженного в топониме. В Закавказье на рубеже XIX–XX вв. выделялись следующие подобного рода «части Кавказского края», имевшие устоявшиеся «местные названия»: «Абхазия, Аджария, Борчала (населённые преимущественно азербайджанцами районы Южной Грузии у современных городов Дманиси, Болниси, Марнеули, Гардабани — А. Я.), Гурия, Духоборье (заселённый ныне армянами Ниноцминдский район Юго-Западной Грузии — А. Я.), Имеретия, Кахетия, Карталиния (ныне обычно называемая Картли — А. Я.), Карабах (часть горной территории которого с преимущественно армянским населением впоследствии заняла Нагорно-Карабахская автономия — А. Я.), Лечхум, Мингрелия (т. е. Мегрелия — А. Я.), Осетия (имеются в виду современные Северная и Южная Осетии вместе — А. Я.), Пиавия, Рача, Сванетия, Самурзакан (восточная часть современной Абхазии с центром в Гале и мегрельским населением — А. Я.), Тушетия, Талыш» [8]. В. Масальский добавлял к ним такие регионы,

как: «*Бамбак или Памбак* (бассейн реки Памбак в Армении — А. Я.), *Ганжа* (центральная часть бывшего Гянджинского ханства у г. Гянджи — А. Я.), *Ширван* (равнины к северу от р. Куры — А. Я.), *Шеки* (центральная часть бывшего Шекинского ханства у г. Шеки — А. Я.), *Шурагель* (населённые в те годы в основном азербайджанцами местности у современного г. Гюмри в Армении — А. Я.), *Цебельда* (горная часть Абхазии в бассейне реки Кодор — А. Я.)» [6]. Однако, как будет показано ниже, по состоянию на начало XX в. последний из указанных регионов требует переосмысления, и к этому реестру следует добавить Русскую Мугань

Цель исследования — выявить те культурно-географические регионы Закавказья, которые возникли и исчезли в течение второй половины XIX — начала XXI вв., кратко охарактеризовав факторы их формирования и разрушения, а также описать вариации современного отношения властей закавказских государств к феномену широко известных культурно-географических регионов, входящих в состав их территорий.

Результаты исследования. Анализ научной и справочной литературы, опыт участия автора в экспедициях в 1980-е и 2000-е гг. позволили дополнить вышеуказанный перечень культурно-географических регионов Закавказья, существовавших в начале XX в., Абхазской Сванетией и Русской Муганью. Описаны процессы и выявлены факторы исчезновения к началу XXI в. этих регионов, а также Духоборья и Шурагеля вследствие кардинального изменения этнического состава их населения (см. также [10]).

Шурагель как регион с преобладанием азербайджанцев («*адербейджанских татар*» в терминах конца XIX в.) вошёл в состав Российской империи в качестве одного из вассальных султанств Картли-Кахетинского царства в 1801 г., вместе с собственно Борчалой и другими султанствами, ставшими первоначально особыми административными единицами — «*татарскими дистанциями*» [2]. Последовавшее развитие г. Александрополя (ныне — Гюмри) усложнило этнический состав населения Шурагеля, сильно увеличив долю армян в городе и ряде селений. Однако и в Советской Армении в Амасийском районе, занимавшем часть Шурагеля, азербайджанцы составляли в 1939 г. около 2/3 жителей. Но после начавшегося в СССР армяно-азербайджанского конфликта за Нагорный Карабах всех их изгнали в Азербайджан, в основном в 1988 г. [2]. Так исчез исторический Шурагель, полностью потерявший некогда определявшую его культурное своеобразие этническую группу населения, т. е. азербайджанцев.

Абхазская Сванетия в конце XIX — начале XXI вв. занимала высокогорную часть бассейна Кодора. Эту территорию абхазы называли Дал, а русская администрация объединяла её с соседним горным Цабалом в Цебельду. В середине XIX в., сразу после подавления восстания 1866 г., абхазы Цебельды полностью выселились в Турцию [1]. Вскоре в обезлюдивший Дал началась самовольная миграция сванов из сопредельной Верхней Сванетии, и к рубежу XIX–XX вв. они освоили бассейны верхнего Кодора и его притока Чхалты, основав там 18 поселений. В начале XX в. Абхазская Сванетия выше селения Лата на Кодоре уже сформировалась как новый культурно-географический регион со сванским населением. В 1950-е — 1970-е гг. Абхазская Сванетия стала широко известной в СССР в связи с ростом популярности горного туризма и альпинизма.

После абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг. Абхазская Сванетия осталась под контролем местных сванов, став в 1990-е — первой половине 2000-х гг. фактически независимым политико-географическим регионом. Лишь в июле 2006 г. Грузия ввела туда полицейские подразделения. Затем в селение Чхалта, у слияния Чхалты и Кодора, было переведено из Тбилиси «абхазское правительство в изгнании». 27 сентября 2006 г. президент Грузии М. Саакашвили постановил впредь называть эту территорию «Верхняя Абхазия». Таким образом, исторически сложившееся наименование данного культурно-географического региона было формально запрещено использовать. Вскоре исчез и сам этот регион, поскольку 11 августа 2008 г. абхазская армия вошла в Кодорское ущелье и установила там контроль правительства Абхазии. Накануне оттуда ушли как грузинские военные и полицейские, так и практически все из почти 2000 человек местных сванов, многие из которых активно участвовали в абхазо-грузинской войне 1992–1993 г. на грузинской стороне. Так прекратила своё более чем вековое существование Абхазская Сванетия, потерявшая сначала своё имя, а вскоре и основное население, т. е. сванов.

Духоборье примерно соответствовало Богдановскому району Грузинской ССР в середине — второй половине XX в. или Ниноцминдскому району (после 2006 г. — муниципалитету) административного края Самцхе-Джавахети Республики Грузия. Эта безлесная платообразная местность с высотами от 1900 до 2100 м над у. м. лежит к западу от Джавахетского хребта. Она получила своё название благодаря расселению здесь в начале — первой половине 1840-х гг. ссыльных русских сектантов-духоборцев, основавших в общей сложности 9 деревень. Однако после присоединения этого края к Российской империи

в первой половине XIX в. его основное население составляли армяне, переселенцы из Османской империи, осевшие здесь лишь немногим ранее и впоследствии жившие чересполосно с духоборцами.

Так, в 1916 г. во всём Ахалкалакском уезде проживали 7100 духоборцев (практически все из них — в располагавшемся в этом уезде Духоборье), 7151 православный грузин и 76462 армянина, а в 1989 г. количество русских жителей в Богдановском районе составляло 3161 чел. (см. подробнее [10]). В начале 2010-х гг. оставалось примерно 350 пожилых человек русских духоборцев в Гореловке и ещё в двух деревнях [4]. Массовый отток духоборцев имел место в начале 1880-х гг. из-за их переселения во вновь присоединённую Карсскую область, а также в последние годы XIX в., когда около трети из них выехали в Канаду по религиозно-политическим мотивам. Массовый выезд вновь развернулся в поздний советский и постсоветский периоды, но уже по социально-экономическим и политическим причинам.

Хотя названия русских сёл в данной местности сохранились, но их население сменилось на армянское, пришедшее из соседних селений. С практически полным исчезновением русских жителей этот культурно-географический регион по сути прекратил своё существование, утратив былое этнокультурное своеобразие.

Русская Мугань начала формироваться в Джеватском уезде в результате крестьянской колонизации части территории Муганской степи, ограниченной реками Араксом и Курой на севере и востоке, рекой Болгарчаем на юге, и иранской границей на западе. Правительство Российской империи с 1 марта 1901 г. начало осуществлять здесь программу развития товарного сельского хозяйства, в первую очередь орошаемого хлопководства. В итоге к 1910 г. тут возникло 46 селений русских и украинских крестьян, сформировавших компактный сплошной ареал расселения православных переселенцев, в основном из числа бывших «иногородних» жителей казачьих районов на Северном Кавказе. Эти сёла вытянулись цепочками вдоль строившихся оросительных каналов, отходивших от Аракса на юго-восток, и вдоль северного берега реки Болгарчай. В 1910 г. в них насчитывалось 9042 взрослых мужчины, не считая членов их семей [3].

С юга, за Болгарчаем, к этому формирующемуся Муганскому ареалу православных сёл примыкала зона расселения Южно-Муганской этнотерриториальной группы русских крестьян-старожилов (молокан, субботников, баптистов) Ленкоранского уезда, появившихся там более чем на полвека раньше. Последние жили чересполосно либо в соседстве с оседлыми азербайджанцами, а также с се-

зонно появлявшимися здесь отдельными тюркоязычными родоплеменными группами кочевников и полукочевников, которые позже влились в азербайджанский народ (см. подробнее [5]). Но это уже совсем иной культурно-географический регион, с принципиально другой исторической судьбой.

Становление Русской Мугани было прервано Революцией 1917 г. и её последствиями. Уже к началу 1918 г. все русские сёла на севере и в центре Мугани были полностью разрушены в ходе грабительских набегов тюркоязычных кочевников-шахсенов из соседнего Ирана либо местных разбойников-азербайджанцев, а их русские жители частью погибли, но в основном бежали в Баку или в Россию. Но в южной части Мугани русские селения по Болгарчаю уцелели, так как успели самоорганизоваться и вооружиться с помощью стоявших здесь отрядов русской пограничной стражи и благодаря объединению усилий с близлежащими молоканскими и субботническими сёлами, жители которых издавна были хорошо вооружены и умели отражать набеги. В 1918–1919 гг. здесь, на южной окраине бывлой Русской Мугани, вытянувшейся вдоль левого берега Болгарчая цепью из оставшихся семи селений, и в соседнем ареале старожильческих сёл русских сектантов и поселений и кочевий азербайджанцев, шла почти постоянная война. В ней причудливо переплелись вооруженные этнические конфликты русских жителей с местными азербайджанцами и соседними талышами, отражение населением русских сёл грабительских набегов шахсенов из Ирана и вторжений турецких и азербайджанских правительственных отрядов из Баку, собственно гражданская война между «белыми» и «красными» русскими селениями при активном участии остатков пограничной стражи с обеих сторон (см. подробнее [10]).

В итоге, от бывшей Русской Мугани остался только ряд русских селений на Болгарчае. Но и их жители частью уехали вскоре после установления Советской власти. Хотя какая-то часть православных крестьян осталась тогда в этих сёлах, однако ко второй половине XX в. русских жителей в них уже почти не было, и там проживали местные азербайджанцы. Таким образом, этот культурно-географический регион, по сути не успевший даже полностью сформироваться, исчез, потеряв всё своё русское население.

Культурно-географические регионы, испытывающие давление властей с целью превентивной нейтрализации возможностей политической мобилизации жителей из числа нетитульных народов — ещё одна особенность ряда современных государств Закавказья.

Например, преимущественно азербайджанская по населению **Борчала** испытала не только разделение на несколько административных районов или муниципалитетов, но и топонимическую революцию, устроенную властями Грузии в начале 1990-х гг. Тогда на волне национализма правительство переименовало здесь по-грузински 31 азербайджанское селение, невзирая на протесты местных жителей. Подобные действия властей встретили осуждение даже со стороны западных экспертов [7]. Впрочем, главная местная река, Борчала, некогда давшая название Борчалинской степи и всему культурно-географическому региону, была переименована в Дебед ещё в СССР (см. подробнее [10]).

В Абхазии культурно-географический регион **Самурзакан**, население которого теперь окончательно превратилось в мегрелов вследствие сочетавшегося на протяжении второй половины XIX — середины XX вв. воздействия миграций населения из соседней Мегрелии и ассимиляции мегрельским большинством местных абхазов, претерпел существенную административную трансформацию. Дореволюционный Самурзаканский округ и послереволюционный Гальский уезд или район практически полностью соответствовали друг другу территориально, составляя одну административную единицу на протяжении второй половины XIX и почти всего XX вв. Но в 1995 г., с целью дробления этого единого массива мегрельского населения, власти Абхазии уменьшили площадь и население Галского района, выделив в основном из него новый Ткуарчалский район, а несколько селений переведя в сопредельный и ныне преимущественно абхазский по составу жителей Очамчырский район, т. е. в историческую Абжуйскую Абхазию [1].

Однако подобные действия не могут уничтожить культурно-географические регионы. Сохранив свои определяющие в этнокультурном отношении группы населения, Борчала и Самурзакан продолжают существовать и поныне.

Культурно-географические регионы и новые административные единицы. Некоторые государства Закавказья трансформировали своё административно-территориальное деление, «возродив» тем самым ряд существовавших в далёком прошлом или существующих доныне культурно-географических регионов. В Армении в 1995 г. создали 10 областей, частично соответствующих древним историческим провинциям (Сюник, Тавуш, Ширак и т. д.), а Грузию в конце 1990-х гг. разделили на 9 административных краёв (Гурия, Имеретия, Кахетия и т. п.). Правда, в Армении имело место и выделение новых территориальных единиц основного уровня (типа Армавира) с целью

более адекватного отражения современной экономической и демографической ситуации в стране. В Грузии ради удобства территориального управления с учётом транспортной доступности и реального распределения населения произошло как разделение одного особо крупного культурно-географического региона (Картли), так и объединение ряда соседних (например, Мегрелии и Верхней Сванетии, и др.).

Культурно-географические регионы как поводы для топонимических споров между странами — ещё одно отражение обсуждаемого феномена в современной политике. Например, в официальных документах на русском языке южная часть Армении, отделяющая Нахичеванскую автономию от основной части Азербайджана, в последнем именуется Зангезуром, а в Армении — Сюник. Регион, который в Азербайджане называют Нагорным Карабахом либо просто Карабахом, в Армении вплоть до начала Второй Карабахской войны (осень 2020 г.) именовали почти исключительно Арцах. Во всех этих случаях речь идёт об одних и тех же культурно-географических регионах, только называемых по-разному — в соответствии с исторической традицией и нормами языка азербайджанцев или армян. Аналогичным образом регион, в котором в XIX в. возникло Духоборье, носит в Грузии название Джавахети, а в Армении — Джавахк.

Заключение. Современное Закавказье относится к тем макро-регионам Земли, где в ряде государств исторически сложившиеся культурно-географические регионы не только отчасти легли в основу административно-территориального деления, но и поныне служат важными фокусами политических усилий властей по их укреплению либо размыванию в общественном сознании населения. Стихийные исторические процессы или целенаправленные усилия правительств некоторых стран привели к исчезновению в XX — начале XXI вв. таких культурно-географических регионов, возникших в середине XIX — начале XX вв., как Абхазская Сванетия, Духоборье и Русская Мугань, а также более древнего по происхождению Шурагеля.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РГО в рамках проекта № 20/2019-И «"Чтобы помнили...": создание Атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья».

Литература

1. Абхазы / Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. М.: Наука. 2007. 547 с.

2. Азербайджанцы / Отв. ред. А. Мамедли, Л. Т. Соловьева. М.: Наука. 2017. 708 с.
3. *Вердиева Х. Ю.* Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (XIX — начале XX вв.). Баку: Escript. 2016. 421 с.
4. *Иникова С. А.* Духоборцы // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 361–368.
5. *Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н.* Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX — XX вв.) // Советская этнография. 1988. № 6. С. 34–49. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2671783>.
6. *Масальский В.* Кавказский край // Энциклопедический словарь. Том XIII. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С.-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона. 1894. С. 818–849.
7. *Уитли Дж.* Интеграция национальных меньшинств в регионах Грузии Самцхе-Джавахети и Квемо Картли. Фленсбург: Европейский центр по делам меньшинств. 2009. 64 с.
8. *Чурсин Г.* Кавказ // Новый энциклопедический словарь. Том XX. Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон / Под ред. К. К. Арсеньева. Санкт-Петербург: Типография АО «Брокгауз-Ефрон», 1914. С. 289–318.
9. *Ямсков А. Н.* О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3228983>.
10. *Ямсков А. Н.* Изменение топонимии Закавказья в XX–XXI вв. // Топонимия Ближнего Зарубежья: 100 лет переименований. Атлас-справочник / Отв. ред. В. Н. Калуцков. М.: РГО. 2020. С. 83–152. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.4064832>.